

ПРОБЛЕМЫ ЭЛИТ В РАБОТАХ БОЛГАРСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

А. А. Фоменко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 октября 2019 г.

Аннотация: автор анализирует восприятие проблемы элит в болгарской интеллектуальной традиции, полагает, что страна была не готова к форсированной модернизации. Предполагается, что политический класс в стране был слаб, потому что Болгария была страной с неполной социальной структурой. Поэтому проблемы элит были идеологизованы и мифологизованы.

Ключевые слова: Болгария, интеллектуалы, элиты, политический класс, модернизация.

Abstract: the author analyzes the perception of elites in the Bulgarian intellectual tradition. The author believes that the country was not ready for forced modernization. It is assumed that the political class was weak, because Bulgaria was a country with an incomplete social structure. Therefore, the problems of elites were ideologized and mythologized.

Key words: Bulgaria, intellectuals, elites, political class, modernization.

Проблемы национальных элит или национального политического класса [1], точнее – идеальной модели управления и лидерства, что граничило с вожизмом и авторитаризмом, практически всегда привлекали внимание со стороны болгарских интеллектуалов, что стало следствием одновременного воздействия целого ряда внутренних факторов, среди которых наиболее важными и значимыми являлись разрыв в истории политической традиции, хотя некоторые болгары смогли интегрироваться в османский политический класс [2] и фактическое отсутствие национального политического класса, способного управлять страной к моменту восстановления независимости. Кроме этого, другие факторы также влияли на развитие элит в Болгарии. Эти факторы были следующими: неполная социальная структура и диспропорции в количественном соотношении между различными группами, которые формально могут быть отнесены к политическим элитам. Во внимание следует принимать и фрагментарность политического класса по идеологическому признаку.

Восприятие элит: специфика и особенности болгарской ситуации

Все эти факторы в различной степени воздействовали на процессы развития политических элит в Болгарии, с одной стороны, а с другой – определили те векторы, в рамках которых формировалось и менялось отношение болгарских интеллектуалов к проблемам политических элит. Анализируя проблему элит в болгарском интеллектуальном дискурсе, во

внимание необходимо принимать, что местные авторы изучаемого периода не оставили специальных текстов о проблеме элит. Вопросы элит оказались интегрированными в широкий круг других проблем, которые для болгарских авторов были более интересны. На протяжении конца XIX в. и в первой половине XX столетия проблема элит была в центре внимания нескольких представителей болгарского интеллектуального сообщества, а их тексты актуализируют различные точки зрения на проблему политического класса. Константин Голабов, Найден Шейтанов, Атанас Илиев, Боян Пенев, Иван Хаджийски [3] и другие интеллектуалы и критики были среди тех болгарских авторов, которые пытались сформулировать национальную теорию элит.

Проблемы элит в болгарском интеллектуальном дискурсе

К. Голабов полагал, что стимулы для формирования и появления элит среди болгар были заложены политическим поколением будителей-националистов, которые в османский период были активны в своих попытках пробудить национальное самосознание болгар. К. Голабов полагал, что после того как Болгария стала независимой страной, в болгарском обществе возник полуофициальный и полурелигиозный (в смысле политической религии) культ будителей, свидетелем проявления которого он неоднократно становился. Например, в работе «Психология на българина» («Психология болгарина») К. Голабов писал об особой роли молодого поколения в формировании того политического класса, которому в будущем надлежало бы принять бразды управления страной [4].

Найден Шейтанов, другой болгарский интеллектуал первой половины XX в., связывал кризис элит в целом и политического класса в частности с моральной эрозией общества, подчеркивая, что «в сегодняшнюю беспокойную эпоху, более разрушительную, чем творческую, тема духа отрицания легко может привести к тому, что невежественные или злонамеренные люди неверно истолкуют и пробудят необоснованные подозрения. Поэтому, если в ином случае это излишне, здесь все равно придется подчеркнуть, что наше исследование не имеет контактов ни с политикой, ни с журналистикой, не питается каким-либо скрытым желанием представить вещи в нашей стране как-то иначе, с учетом определенной тенденции; мы не обвиняем, не порочим и не побеждаем» [5].

Именно моральные и психологические проблемы, как полагали некоторые болгарские интеллектуалы, стали теми факторами, которые существенно ослабили политические потенции тех групп и социальных слоев болгарского общества, которые с формальной точки зрения могут быть отнесены к элитам или представителям политического класса. Но К. Голабов был далек от иллюзии, что молодое поколение станет основой болгарской политической элиты, полагая, что политическое пространство в стране уже поделено между различными партиями и связанными с ними группами интересов. Боян Пенев и вовсе считал, что историческая эпоха для формирования собственной политической элиты в Болгарии не наступила, так как отсутствовали условия для генезиса интеллигенции как одного из необходимых компонентов и составных элементов элиты.

По логике Б. Пенева, интеллигенция в Болгарии «не оформилась» и поэтому «не имеет истории», а «ее день еще не настал», чему содействует «слабая культурность и несомненная некультурность нашего общества» [6]. Другие авторы и вовсе писали о слабости болгарского общества [7] и его политической неготовности к модернизации, полагая, что частично за эту ситуацию ответственны элиты потому, что нормальных элит нет, а те, что есть, решали другие задачи, связанные с идеологической борьбой. Эти иллюзии стали психологическими проблемами, которые в болгарской идентичности первой половины XX в. трансформировались в сексуальные не в демографическом, но интеллектуальном плане.

Найден Шейтанов, например, полагал, что болгары, как и другие индоевропейские нации, имеют общее культурное и мифологическое наследие, а длительное доминирование аграрной модели экономики существенно повлияло на идентичность и, в свою очередь, на отношение к сексу и половым контактам между мужчиной и женщиной. Болгарские авторы в этой ситуации сравнивали болгар со своими южными романскими соседями, среди которых до-

минирование католицизма не победило то, что Н. Шейтанов определил как «неофициальный фолклор» [8], а Боян Пенев в своем дневнике в 1900-е гг. постоянно мучительно выбирал между традицией с ее архаичными мифами и западными соблазнами свободы и демократии с либерализмом и женской эмансипацией [9], что было понятно для интеллектуалов, как части элит, но совершенно безразлично для невидимого крестьянского большинства. Стефан Гидиков полагал, что все попытки элит и интеллектуалов найти компромисс между современностью и традицией характеризовались и отличались «неровными, крутыми, а иногда и опасными шагами и поворотами психофизиологического развития» [10].

Поэтому болгарский интеллектуал полагал, что болгары в XIX – начале XX в. в условиях замедленной, а потом и ускоренной принудительной модернизации общества фактически оказались не в состоянии найти компромисс между различными версиями собственной идентичности. К тому же общество перестало быть однородным и единым еще в XIX в. [11]. Исторические основания для появления элит и собственного политического класса были, но потенциальные элиты не смогли ими воспользоваться: болгарский священник, болгарский студент, болгарский офицер, болгарский министр фактически жили в одном обществе с такими же болгарскими крестьянами и болгарскими рабочими, но ни первые, ни вторые не могли воспринимать друг друга объективно.

Формальные элиты оказались оторванными от масс, хотя и студент, и офицер, и учитель, и гимназист, и министр, и рабочий, и крестьянин знали и рассказывали «народные приказы» на деликатные темы, понимая, что несмотря на политические и идеологические фрагментации и отсутствие единства элит, «мужики псувни, женски клетви дърво не изсушават». Общество переживает период упадка и эрозии ценностей, отказ от моральных и нравственных ориентиров. Болгарские интеллектуалы между двумя мировыми войнами [12] признали, что общество расколото политически, социально и идеологически, а города и аграрная периферия и вовсе имеют диаметрально различные мировоззренческие ориентиры и предпочтения, а элиты не в состоянии консолидировать и объединить общество. Причины этих процессов и истоки неспособности элит достичь компромисса, по мнению некоторых болгарских авторов [13], лежали в позднем приобщении к западным политическим традициям и чрезвычайно быстрых попытках их переноса в болгарские контексты. По мнению болгарского интеллектуала, в стране и сложилась столь печальная ситуация с политическими элитами, которые, как и большинство граждан, оказались дезориентированы и не готовы к новым политическим,

идеологическим, социальным и культурным вызовам и угрозам.

Болгарские авторы в 1920-е гг. признавали, что ситуация является очень мифологизированной и идеологизированной как самими болгарскими, так и их географическими соседями и политическими противниками, которые возвели самые отрицательные и неприятные с культурной или моральной точки зрения качества в классические особенности и характеристики якобы болгарского национального характера, а болгарские политические классы в этой ситуации стали заложниками этой культурной ситуации, когда политизированные мифы и стереотипы стали понукать и заставлять их действовать в соответствии с ними.

Иван Хаджийски, другой болгарский автор первой половины XX в., комментируя метаморфозы политических элит, полагал, что в болгарском обществе доминировал социальный и культурный пессимизм, осознание и чувство которого стимулировали идеи политического и государственного неприятия и отрицания, в том числе и в вопросах политического класса: «действительно, ни один болгарин не осмелился открыто пренебрегать пессимистическими теориями о наших людях. На лице этого народа нет никакой публичной грязи, что необходимо, чтобы быть мифом с аргументами оптимистической теории. Но это не означает, что неправильное понимание печального материала, который дает нам личная и общественная жизнь, не делает людей или группы более или менее скрытыми пессимистическими обобщениями... Болгарка для нас – только двуногая без перьев, которая обитает в серых пространствах по обе стороны Балкан и которая за кусок хлеба способна на все... Мы сами приписываем самый неприятный букет качеств всему болгарскому» [14].

Болгарские интеллектуалы настаивали, что слабость элит как политического класса стала последствием болгарской истории. Н. Шейтанов, ставя вопрос о «духът на съвременността», отвечая на него в стиле «исторична диагноза» и комментируя особенности исторического процесса, подчеркивал, что болгары стали жертвами своих географических соседей, которые хотели их ассимилировать [15]. Янко Янев и вовсе полагал, что «духовна безпомощност» [16] стала одной из центральных проблем болгарских элит. Угроза ассимиляции актуализировала в болгарской идентичности идеи фатализма и безысходности, а понимание того, что болгары стали заложниками географии, идеи и концептов Запада и Востока, стало фактором фрагментации интеллектуальных и политических элит, что замедлило процессы консолидации болгарского политического класса.

Подводя итоги, примем во внимание несколько факторов, которые определяли основные векторы и

траектории развития представлений об элитах в болгарском обществе. Болгарское общество восприняло результаты Первой мировой войны как национальную катастрофу, а болгарские элиты, культурно и эмоционально зависимые от интеллектуалов, не смогли предложить механизм преодоления политических разногласий и противоречий, что самым непосредственным и неприятным образом отразилось на политической элите, которая не смогла адаптироваться к последствиям Первой мировой войны, и Болгария, страна и без того со слабыми демократическими традициями, охотно приняла местную модель национального авторитаризма.

Несмотря на все попытки и усилия, направленные на консолидацию и интеграцию общества, болгарские политические классы не смогли относительно быстро, эффективно и безболезненно преодолеть разрыв и дискретность в истории политической традиции, которые Болгария к началу 1880-х гг. получила как часть наследия от периода османского политического доминирования. Ситуация отсутствия в политической системе Болгарии на раннем этапе ее современной независимой истории национального политического класса, который был бы способен управлять страной к моменту реставрации независимости, привела фактически к институционализации ситуации неполной или незавершенной социальной структуры групп, которые могут быть отнесены к элите.

Болгария к моменту реставрации независимой государственности не имела собственной политической элиты, что обрекло страну на использование модели догоняющего развития, предопределив несколько политических, военных кризисов и национальных катастроф, с которыми болгарское общество столкнулось в первой половине XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кацарски И.* Към биографията на българската интелигенция и българския политически елит / И. Кацарски // *Философски алтернативи*. – 1992. – № 11–12. – С. 72–77.
2. *Янева С.* Българи – откупвачи на данъци във фискалната система на Османската империя. Към историята на българския делови и социален елит през XIX в. / С. Янева. – София : Нов български университет, 2011. – 424 с.
3. *Тодорова М.* Imagining the Balkans : Послeпис / М. Тодорова // *Балкани*. – 2012. – № 1. – С. 3–20.
4. *Гълъбов К.* Психология на българина / К. Гълъбов. – URL: http://www.librev.com/index.php?option=com_content&view=article&id=648&Itemid=5
5. *Шейтанов Н.* Духът на отрицание у българина / Н. Шейтанов. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/scribbles/essays/620-2009-07-04-13-31-31>

6. Певев Б. Нашата интелигенция / Б. Певев. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/scribbles/essays/668-2009-09-04-08-58-57>
7. Кръстев К. Българската интелигенция / К. Кръстев. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/scribbles/essays/656-2009-08-19-11-32-09>
8. Шейтанов Н. Сексуалната философия на българина / Н. Шейтанов. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/scribbles/essays/640-2009-07-26-10-52-24>
9. Певев Б. Дневник. Спомени / Б. Певев. – София : Български писател, 1973. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/arts/literature/3081-svrazh zemnata-sashtnost-na-zhivota>
10. Гидиков Ст. Половата свитост на българина като основа на неговия характер / Ст. Гидиков. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/scribbles/essays/1352-2011-09-16-08-23-23>
11. Хаджийски И. Психология на Априлското въстание / И. Хаджийски. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/bulgaria/2159-2013-09-01-17-34-30>
12. Гълъбов К. Емоционалното обедняване на българина / К. Гълъбов. – URL: <https://trud.bg/константин-гълъбов-емоционалното-об/>
13. Илиев А. Проблемата за психологията на съвременните българи / А. Илиев. – URL: <http://www.librev.com/index.php/scribbles-essays-publisher/2968-2016-04-21-18-38-48>
14. Хаджийски И. Оптимистична теория за нашия народ / И. Хаджийски. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/scribbles/essays/627-2009-07-15-21-14-03>
15. Шейтанов Н. Български светоглед / Н. Шейтанов. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/scribbles/essays/661-2009-08-25-10-57-46>
16. Янев Я. Изток или Запад / Я. Янев. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/scribbles/essays/642-2009-07-31-18-16-16>

*Воронежский государственный университет
Фоменко А. А., соискатель кафедры новейшей отечественной истории и историографии
E-mail: alexfom2016@gmail.com*

*Voronezh State University
Fomenko A. A., Applicant of the Department of Contemporary Russian History and Historiography
E-mail: alexfom2016@gmail.com*